

Б. В. САПУНОВ

Всеслав Полоцкий в «Слове о полку Игореве»

В системе художественных образов «Слова о полку Игореве» образ полоцкого князя Всеслава Брячиславича занимает исключительное место.

Значение этого образа определяется не только тем, что автор уделяет ему много внимания. Сложный и противоречивый, таинственный и трагический образ полоцкого князя помогает понять особенности творчества автора «Слова», уточнить историческое и художественное значение всего произведения в целом.¹

В последнее время работами Д. С. Лихачева в области древнерусской литературы, В. Н. Лазарева и М. В. Алпатова в области древнерусской живописи,² а также ряда других исследователей были выявлены основные приемы и методы, используемые искусством того времени при создании образов людей, и в частности лиц, занимавших высшие ступени на иерархической лестнице феодальных общественных отношений. Писатели и художники XI—XIII вв. создавали не портреты реальных, живых людей, а идеальные образы князей, отвечающие всем требованиям феодальной морали. Искусство тех лет оставило нам не живописные изображения в современном смысле этого слова, а иконы, величавые и строгие, красивые и торжественные, выставленные для поклонения.³

Нетрудно установить, что подходить к образу Всеслава с точки зрения этих принципов совершенно невозможно.

Стиль монументального историзма XI—XIII вв. требовал изображать не один какой-то момент в жизни человека, а человека вообще со всеми присущими ему признаками и знаками достоинства. Изображался скорее не живой человек, а его эмблема. Величавым спокойствием веет от ликов князей и воинов с икон и фресок древней Руси, их черты так же монументальны, как каменная резьба владимирских соборов.

Совсем не такой Всеслав в изображении автора «Слова». Он весь в движении, в бурном водовороте событий, часть из которых вызвана им самим.

То, опершись на коней, Всеслав скакнул к городу Киеву, то, объятый синей мглой ночи, лютым зверем скакнул из Белгорода, чтоб наутро секирами отворить ворота Новгорода. Волком скакнул до Немиги с Дудуток. Днем полоцкий князь людям суд правил, князьем города рядил, а ночью рыскал волком, из Киева дорыскивал до петухов Тмуторокани.

¹ Год рождения Всеслава неизвестен, на полоцкий престол он сел в 1044 г., умер в 1101 г. Биографию Всеслава см. в работе В. Е. Данилевича «Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия» (Киев, 1896, стр. 63—70).

² Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 27—70; В. Н. Лазарев. История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова и В. Н. Лазарева, т. 1. М., 1953, стр. 174—177; М. В. Алпатов. Всеобщая история искусства, т. III. М., 1955, стр. 118—119.

³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 33—34, 39 и др.

В стремительном темпе головокружительные успехи Всеслава сменяются катастрофами, которые затем снова превращаются в блестящие победы.

Хитростями ворвавшись в Киев, Всеслав коснулся копьем златого великокняжеского престола. Под покровом ночи исчез он из Белгорода, а наутро секирами отворил ворота Великого Новгорода. Разбив славу Ярослава, Всеслав сам был разгромлен на Немиге. И так далее. Днем в образе человека, а ночью лютым зверем рыскал полоцкий князь по Русской земле.

Стремительность превращений, смена успехов и неудач мечущегося по всей стране Всеслава Брячиславича никак не укладывается в рамки мону-ментального историзма — основного направления христианско-феодалного искусства XI—XIII вв.

Одной из главных добродетелей князя, с точки зрения искусства того времени, было искусство военачальника, соединенное с личной храбростью и честностью.⁴ В сражении, на охоте князь первым бросается в бой, увлекая за собой дружину. Летописец восхищается благородством и мужеством великого князя Святослава Игоревича, который, будучи еще ребенком, первым бросал копье во время боя, по-рыцарски объявлял врагам о своем намерении начать против них боевые действия.⁵

Симпатии русских были на стороне прямого и храброго Ильи Муромца, а не Алеши Поповича, действовавшего больше хитростью, чем богатырской силой.

Не таков Всеслав в представлении автора «Слова». Рассматривая Всеслава как исключительную для своего времени личность, причину его успехов автор видит в хитрости полоцкого князя. Хитростями достиг Всеслав киевского престола, таинственно под покровом ночи бежал он из-под Белгорода, покинув по неясным для нас причинам киевское ополчение перед боем с войсками Изяслава и его союзника польского короля Болеслава. Хитрым называет Всеслава вещий Боян. От себя автор добавляет, что в «дръзѣ тѣлѣ» Всеслава обитала «вещая» душа, которая обеспечивала ему успехи и победы.

Князья в летописях не знают душевной борьбы, внутренних переживаний. В летописях нельзя проследить «душевного развития» героя, раздвоения личности. Психология вообще не интересует художников и писателей. Князь есть лицо официальное и в качестве такового он не может иметь внутренней личной жизни. Даже тогда, когда летописец говорит о внутренних колебаниях князя, оказывается, что он просто взвешивает все обстоятельства, все «за» и «против», а не испытывает нерешительности.⁶

Образ Всеслава много сложнее. Он весь в смятении, во внутренней борьбе. Заключительным аккордом звучат слова автора, что хотя и вещая душа обитала в дерзком теле Всеслава, но он часто страдал от бед. Такое утверждение тем более странно, что биография Всеслава — это биография одной из самых ярких личностей XI в., крупного политического деятеля, при котором Полоцкая земля достигла своего расцвета. Образ Всеслава произвел огромное впечатление на современников и надолго остался в памяти потомков. И, оказывается, такой человек глубоко страдал от бед.

Далеко не строго следует Всеслав требованиям феодальной чести, нормы которой были детально разработаны на страницах русских летописей, воинских повестей и других памятников литературы того времени.⁷

⁴ Там же, стр. 39, 65.

⁵ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стлб. 58, 64—65.

⁶ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 33.

⁷ Там же, стр. 39.

15 сентября 1068 г., во время восстания киевлян против своего законного князя Изяслава, Всеслав, встав во главе восставших горожан и опираясь на них, захватил великокняжеский престол. Автор «Слова» не раскрывает подробностей этого момента в биографии своего героя, со свойственной ему лаконичностью он дает только намек, который, однако, был совершенно ясен современникам. В обстановке ожесточенной классовой борьбы, когда феодальное государство сурово карало восставших смердов и горожан, поступок князя Всеслава должен был рассматриваться как измена классовым интересам феодалов, защищать которых был обязан полоцкий князь. Через год Всеслав не задумываясь предал своих союзников-горожан и ночью бежал из Белгорода перед решительной битвой с войсками наступавшего на Киев Изяслава и польского короля Болеслава.

Если измена горожанам могла быть оправдана с точки зрения феодальной морали, то измена феодальным интересам в глазах представителей официального искусства должна была вызвать решительный протест.

Христианство, как писал Ф. Энгельс, «было . . . наиболее общим синтезом и наиболее общей санкцией существующего феодального строя».⁸ Князь, как представитель светской власти, вооруженной рукой защищал церковь, которая своими очень действенными средствами укрепляла феодальное государство. Забота о церквях, христоролие было первым и основным качеством, присущим князю.⁹

Хорошо известно, какие суровые меры применяли представители власти против волхвов, возглавивших движения смердов и низов городского населения в XI—XII вв. Вообще все, что было связано с язычеством и волхованием, вызывало самое резкое осуждение церкви, которая всеми доступными средствами боролась с остатками старой веры. Большая роль в этой борьбе отводилась литературе и изобразительному искусству, которые, возвеличивая представителей власти, утверждали основы феодального строя. В такой обстановке образ Всеслава, созданный автором «Слова», звучал резким диссонансом. Полоцкий князь обладает сверхъестественной силой, он по желанию может превратиться в лютого зверя — серого волка, может пересечь путь великому богу солнца — Хорсу, он в Киеве слышит перезвон колоколов, звонивших к заутрене у Святой Софии в Полоцке, из Киева за первую половину ночи «до курь» Всеслав переносился в далекую Тмуторокань. Для автора «Слова» Всеслав — колдун, оборотень с вещей душой.

Автор идет дальше. Он не только создает образ князя-волхва, он относит к нему с определенной долей симпатии. В какой-то степени он даже восхищается своим героем. Устами Бояна автор называет Всеслава «хитрым» и «гораздым». Автор сочувствует полоцкому князю, много страдавшему от бед. Глубоким философским смыслом звучат слова Бояна, выражающие, конечно, точку зрения автора, что даже такие выдающиеся личности, как Всеслав, бранны и смерть уравнивает всех.

Такая концепция плохо согласовывалась с ортодоксальными взглядами феодального общества на волхва, была прямым вызовом не только художественным, но и политическим взглядам, господствовавшим в XII в.

Искусство Древней Руси не носило развлекательный характер. Как всякое классовое искусство, оно целеустремленно и настойчиво проводило и защищало классовые интересы феодалов. Оно создавало идеальные образы христианских князей — верховных представителей феодального порядка и выставляло эти литературные или живописные портреты на по-

⁸ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 34.

⁹ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском (тексты). — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 300—301.

клонение. С точки зрения этого искусства, образ Всеслава, созданный автором «Слова», должен был вызвать самую резкую оценку. Так как в «Слове» ее нет, становится не совсем понятна концепция самого автора «Слова».

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо установить источники, использованные автором «Слова» при создании образа Всеслава, и круг тех представлений, которыми он жил.

*

Откуда автор «Слова» черпал сведения о Всеславе, жившем почти за сто лет до него? Легко установить, что «Повесть временных лет» не могла явиться таким источником. В описании Всеслава, сделанном летописцем и автором «Слова», несмотря на некоторые совпадения, имеются большие различия, которые говорят скорее о параллельности этих текстов, чем об их взаимной зависимости.

Для выяснения этого вопроса Р. Якобсон совместно с М. Шефтелем и Р. Ружичичем¹⁰ проделал большую работу, выводы которой оказались чрезвычайно убедительными и весьма интересными. Помимо «Повести временных лет» и «Слова» для характеристики образа Всеслава авторы широко привлекали былинку о Волхве Всеславиче, прототипом героя которой, как они убедительно доказали, явился полоцкий князь Всеслав.

Сравнивая описания Всеслава в «Повести временных лет», в былинке и в «Слове», авторы приходят к выводу, что между этими описаниями имеются многочисленные совпадения. Существуют такие соответствия между былинкой и «Словом», которых нет в «Повести временных лет», существуют соответствия между былинкой и «Повестью временных лет», которых не удалось обнаружить в «Слове», и, наконец, имеются некоторые мотивы, встречающиеся в «Слове» и «Повести временных лет», но отсутствующие в былинке. Рассматривая генетические соотношения, которые связывают все эти источники, Р. Якобсон и М. Шефтель пришли к выводу, «что все три повествования восходят к общему источнику, очевидно к устному эпосу о Всеславе, который был создан фантазией его современников».¹¹ Возможно, утверждают далее оба автора, находящиеся в «Слове» фрагменты о Всеславе просто интерполируют отдельные эпические песни о Всеславе, возникшие еще в XI в.¹²

Р. Якобсоном и Р. Ружичичем была сделана попытка на обширном материале фольклора ряда югославянских народов выявить истоки эпических песен о Всеславе. Авторы убедительно доказали существование в глубокой древности общеславянского мифа об оборотне. В общих чертах этот миф, как устанавливают Р. Якобсон, Р. Ружичич и М. Шефтель, сводится к следующему.

У княгини или принцессы от змея-дракона родился необыкновенный сын. Он появился на свет в рубашке (последе), кусочек которой, по настоянию колдунов, всегда носит с собой. Ему предсказана необычайная сила и кровожадность, пугающие даже родную мать и заставляющие дрожать сыру землю. Ребенок быстро растет. Он обладает даром ясновидения,

¹⁰ R. Jakobson and M. Szeftel. The Vseslav epos. Russian Epic Studies. Philadelphia, American Folklore Society, 1949 (далее: R. Jakobson and M. Szeftel), стр. 13—80; R. Jakobson and G. Ružičić. The Serbian Zmaj ognjeni vuk and the Russian Vseslav Epos. — Extrait de l'Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, t. X. Bruxelles, 1950 (далее: R. Jakobson and G. Ružičić), стр. 343—355.

¹¹ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 53.

¹² Там же, стр. 54.

он вездесущ и могуч, по желанию он может превращаться в ясного сокола, в лютого зверя-волка и других животных. Его жертвы не могут ускользнуть от него. Счастье сопровождает героя. Он связан с силами ночи, угрожает самому солнцу, следы его запятнаны кровью, вампиры теснятся у его жилища. Но слава и страдания все время чередуются в его жизни. Из охотника он превращается в животное, из преследователя в жертву и наоборот.¹³ Позднее эта традиционная тема общеславянского устного народного творчества была прикреплена к конкретным историческим лицам. В Сербии этот миф был связан с именем одного из последних представителей династии Бранковичей — Вуком Гругровичем, деспотом, и князем Расчинским, который был наиболее выдающимся борцом с турками в период от падения Сербии в 1459 г. до своей смерти, последовавшей в 1485 г. В России древний миф об оборотне сросся с полоцким князем Всеславом Брючиславичем, храбрые и романтические приключения которого зажигали фанатизм современников.¹⁴

Р. Якобсон и М. Шефтель высказали предположение, что в дохристианское время у славян, возможно, существовал культ волка.¹⁵ Как известно, Геродот сообщал о том, что у невров, которые были одними из возможных предков славян, существовало предание о волках, в которых превращались невры.¹⁶ Вероятно, здесь имели место обычные тотемические представления, характерные для всех народов на ранних этапах развития.

Каждый из трех источников берет не всю легенду целиком, а ее отдельные части. «Повесть временных лет» сокращает «волковый» элемент, «Слово» опускает детство своего героя, а былина отбрасывает трагизм Всеслава, хорошо показанный в «Слове».

Р. Якобсон и М. Шефтель предполагают, что в древности существовал целый эпический цикл о полоцких князьях.¹⁷ Отголосками этого цикла является летописный рассказ о сватовстве Владимира к Рогнеде.¹⁸ Эти эпические песни были, видимо, известны автору «Слова». Так, князя-изгоя Олега автор называет «Гориславичем», по имени его прабабки Рогнеды Гориславны.

*

Таким образом, можно думать, что Р. Якобсону, М. Шефтелю и Р. Ружичичу удалось выявить источники, которые были использованы автором «Слова» для создания чрезвычайно яркого и сложного образа полоцкого князя.

Необходимо выяснить еще один весьма важный вопрос: почему автор, живший в XII в., использовал образ, многие черты которого тянули к представлениям дохристианской эпохи? Если широкое распространение легенды о князе-оборотне, князе-волхе было вполне естественно для дохристианского времени, когда князь действительно мог исполнять функции жреца,¹⁹ то для конца XII в. такой образ находился в решительном противоречии с представлениями православной церкви и христианско-феодалного искусства.

¹³ Там же, стр. 68—69.

¹⁴ R. Jakobson and C. Ružičić, стр. 343—344.

¹⁵ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 68.

¹⁶ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. СПб., 1890 (далее: Геродот), стр. 40—41.

¹⁷ R. Jakobson and M. Szeftel, стр. 77.

¹⁸ Повесть временных лет, ч. I. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 54; ПСРЛ, т. I, вып. 2. Л., 1927, стлб. 299—300.

¹⁹ Б. А. Рыбаков. Древности Чернигова, т. 1. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 11. М.—Л., 1949, стр. 43—50.

Изучая стилистическую систему изображения людей в литературе древней Руси в сопоставлении ее со стилистической системой изображения людей в древнерусской живописи, Д. С. Лихачев пришел к выводу, что и литература, и живопись XI—XIII вв. руководствовались едиными по существу принципами творчества.²⁰

Эти принципы, которые несколько условно можно назвать системой художественно-эстетических взглядов искусства древней Руси, естественно, должны были базироваться на определенной философской концепции. В условиях господства церковной идеологии такой концепцией являлось христианское вероучение, являющееся, по существу, законченной системой объективного идеализма метафизического толка.²¹

За стилистическими приемами, использованными автором «Слова» при создании литературного образа Всеслава, должна лежать какая-то определенная совокупность художественно-эстетических, религиозно-философских и иных взглядов, резко отличных от тех, которые были приняты в искусстве Руси XI—XIII вв.²²

Для того чтобы восстановить хотя бы в общих чертах совокупность этих взглядов, необходимо вспомнить некоторые особенности общественной мысли Руси XII в. Сразу следует оговориться, что никакой четкой системы взглядов установить, конечно, не удастся и что в небольшом очерке невозможно подробно разработать столь сложную и большую тему.

*

В домонгольское время русское православие пережило два достаточно отчетливо прослеживаемых этапа. Первый этап охватывает конец X—начало XI в. Это был период распространения христианства, период его ожесточенной борьбы с язычеством. Руководствуясь известным указанием из Второзакония Моисея, деятели церкви и государства огнем и мечом прокладывали дорогу новой вере.

Разгромив языческий пантеон русских богов, разрушив капища и сокрушив идолов, вырубив священные рощи, христианство все же не смогло выкорчевать у своей новокрещенной паствы языческие верования.²³ Связанные тысячами нитей с повседневной хозяйственной деятельностью широких народных масс, эти верования оказались чрезвычайно живучими, и борьба с ними затянулась на длительное время. В ходе борьбы церковь по некоторым пунктам сама была вынуждена уступить язычеству. Результатом сложного взаимодействия православия с остатками язычества было

²⁰ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 67.

²¹ Хотя история эстетических взглядов искусства древней Руси в настоящее время еще не создана, трудами целого поколения русских ученых в этой области проделана большая работа. Следует указать на исследования В. Соколова, А. Кирпичникова, Л. П. Карсавина, А. М. Миронова, Е. В. Аничкова, Ф. Буслаева, Н. М. Бидляли, О. Н. Добиаш-Рождественской, В. Н. Лазарева, М. В. Алпатова, Ю. Н. Дмитриева, А. В. Арциховского, Д. С. Лихачева и др.

²² Необходимо отметить, что литературные приемы, использованные при обрисовке князя Игоря — главного действующего лица «Слова», его жены Ярославны, особенности описания природы, которой уделено большое внимание, также во многом не совпадают с приемами, принятыми в XII в.

²³ Библиография работ, посвященных изучению русского язычества, в настоящее время насчитывает более 50 названий. Из советских исследователей этой темой занимались А. В. Арциховский, Н. Н. Воронин, Б. Д. Греков, Ф. Д. Гуревич, В. И. Довженок, Д. А. Казачкова, Н. Ф. Лавров, Д. С. Лихачев, В. В. Мавродин, Н. В. Малицкий, Б. А. Рыбаков, В. В. Седов и др.

появление совершенно оригинального синкретического мироощущения, которое современники удачно называли «двоеверием».²⁴

Есть основания утверждать, что в XII—XIII вв. двоеверие получило широкое распространение. Тысячи русских курганов, раскопанные как в дореволюционные, так и в советские годы, дают ценный вещественный материал о характере полухристианских, полуязыческих верований широких масс сельского населения древней Руси.

Обычай насыпать курганы, восходящий к язычеству, находился в решительном противоречии с практикой христианских захоронений.

На севере пережитки язычества сохранились дольше, чем на юге. На протяжении XI—XII вв. из ярославских и рязанских лесов непрерывной волной на юг шли языческие амулеты с коньком, украшенные солнечным знаком, медвежьи клыки, когти и т. д.²⁵

Интересными памятниками двоеверия являются змеевики, соединившие христианское и языческое начала.²⁶ Все исследователи, занимавшиеся змеевиками, единодушно отмечали, что православная церковь не признавала и запрещала их. Но, не имея, видимо, достаточно сил, чтобы полностью изъять змеевики из употребления, церковь пыталась как-то легализовать змеевики путем переосмысления изображения. Хотя происхождение изображений змей не совсем понятно, можно с уверенностью сказать, что восходят они к языческому времени. Возможно, их изображения были навеяны древними преданиями неуров о змеях, заставивших их покинуть свою родину.²⁷

По-видимому, двоеверие распространялось среди различных слоев древнерусского общества. Автор «Слова некоего христороубца и ревнителя по правой вере», составление которого Е. Голубинский относил к домонгольскому периоду, указывал, что не только «невежи», но и «вежи», даже попы и книжники творят подобные богомерзкие дела.²⁸ Это «Слово», по мнению Е. В. Аничкова, было произнесено с кафедры Софийского собора в Киеве для собравшихся на богослужение представителей знати, духовенства и других обеспеченных кругов, живших в центральной части древнерусской столицы.²⁹

В решительной борьбе с двоеверием феодальное государство и православная церковь использовали все средства идеологического и физического воздействия на полухристианскую, полуязыческую паству. От XII—

²⁴ РИБ, т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. Памятники XI—XV вв. Изд. 2. СПб., 1908, №№ 1, 2, 6, 7, 8 и др.; Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. — Записки Московского археологического института, т. XVIII. М., 1913 (Сборник поучень); т. I, Харьков, 1916; Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. — Записки Историко-филологического факультета СПб. университета, ч. CXII. СПб., 1913; А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868 и др.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. — Советская этнография. М.—Л., 1948, № 1, стр. 100—106; А. А. Диндес. Древние черты в русском народном творчестве — В кн.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 465—491.

²⁶ И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. — Записки Русского археологического общества, т. III, новая серия. СПб., 1888, стр. 363—413; А. Орлов. Амулеты «змеевики» Исторического музея. — Отчеты Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, прилож. V; В. Лясичевский. Некоторые змеевики в собрании Художественного отдела Государственного Русского музея. — В кн.: Материалы по русскому искусству, т. 1. Художественный отдел ГРМ Л., 1928, стр. 10—21; А. А. Диндес. Изображение змеборца в русском народном шитье. — Советская этнография. М.—Л., 1948, № 4, стр. 36—53, и др.

²⁷ Геродот, стр. 41—42.

²⁸ Н. М. Гальковский. Борьба христианства..., т. II, стр. 40—41.

²⁹ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 135.

XIII вв. дошел ряд документов, как например Устав Владимира Святославича, Устав Ярослава Владимировича, Устав новгородского князя Всеволода Мстиславовича, Уставная грамота Ростислава Мстиславовича Смоленской епископии 1150 г., Определения Владимирского собора 1274 г., изложенные в грамоте митрополита Кирилла II, а также другие памятники, в которых имеются соответствующие статьи, сурово карающие за двоеверие. Помимо канонических постановлений, имеющих силу закона, церковь широко использовала метод убеждения. Сохранилось большое количество полемических сочинений, гневно обличающих языческие пережитки и призывающих прихожан укрепиться в вере. В этом отношении интересны поучения и проповеди Кирилла Туровского, владимирского епископа Серапиона, митрополитов Даниила и Иоанна, а также целый ряд других «слов», поучений, богословских сочинений, написанных с большим подъемом и посвященных этой чрезвычайно важной для церкви теме.³⁰

Изучение философско-религиозных взглядов двоеверцев является чрезвычайно сложной проблемой, так как письменных источников, отражающих их взгляды, не сохранилось, а созданные в пылу религиозной борьбы полемические сочинения деятелей церкви едва ли отличались объективностью.

В XI—XIII вв. двоеверие создало свой идеал красоты, во многом определивший специфические особенности русской культуры домонгольского времени. Это навеянное природой мировоззрение прекрасно отразилось в причудливых белокаменных садах, покрывающих стены древних соборов Владимирской Руси, в памятниках прикладного искусства, в рисунках заглавных букв древнерусских книг и других произведениях.

Искусство, порожденное двоеверием, обращалось к таким темам и образам, которые были начисто изъяты из сферы религиозного искусства. Церковь настойчиво запретила музыку и народные увеселения, а на серебряных браслетах мастера изображали гусярлю и пляшущих женщин; церковь выступала против борьбы, а на стене Дмитриевского собора скульпторы высекали фигуры борющихся мужчин. Церковь боролась с почитанием птиц и «рощений», видя в этом остатки язычества, а на золотых колтах златокузнецы виртуозно исполняли птиц и древо жизни. Церковь не допускала языческое почитание луны, а медные и серебряные лунницы широко встречаются вкладах древней Руси. Количество таких примеров можно значительно увеличить.

Искусство, порожденное двоеверием, могло развиваться до тех пор, пока существовало само двоеверие. В XIV в., по мере распространения и укрепления феодализма и христианства, двоеверие было разбито церковниками и постепенно исчезло. Правда, пережитки язычества существовали еще и в XV, и в XVI, и даже в XVII вв., но к этому времени оно уже совершенно выродилось и никаких художественных ценностей создать не могло. На памятниках прикладного искусства этот процесс прослеживается достаточно отчетливо.

Другой характерной особенностью указанного периода были взрывы ожесточенной классовой борьбы смердов и горожан против феодалов и церковников.³¹

³⁰ РИБ, т. VI; Н. М. Гальковский. Борьба христианства..., тт. I и II; А. А. Флясьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, стр. 207—208, 250—252; т. III М., 1869, стр. 600—605; Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, гл. II и III; А. Пономарев. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. III. СПб., 1897, и др.

³¹ Восстания были в 1024, 1066—1069, 1071, 1088, 1113, 1136, 1156, 1157, 1175 и других годах.

В XI в., в период становления феодального способа производства, по всей стране прокатилась широкая волна восстаний смердов. В XII в. вспыхнули городские восстания, активное участие в которых приняли жители сел и деревень.

Подобно всем большим социальным движениям средневековья, восстания смердов и горожан принимали характер религиозной борьбы и были направлены против христианской церкви и ее представителей. В сознании народа успехи христианства всегда связывались с ростом феодальной эксплуатации, и совершенно естественно, что во главе восставших оказались адепты старой языческой веры — волхвы. Реакционные по форме восстания смердов-волхвов были объективно прогрессивны, так как способствовали развитию общества.³²

Если в борьбе с двоеверием церковь использовала метод кнута и пряника, больше действовала принуждением и убеждением, то в борьбе с восставшими смердами и горожанами главными орудиями были меч и огонь. Волхв в глазах церковников стал настолько одиозной фигурой, что казнь его была возможна без суда и следствия. Церковники сделали все возможное, чтобы развенчать волхвов, представить их в самых темных красках. Даже общение с волхвами рассматривалось как преступление, за которое полагалась соответствующая кара.

Учитывая конкретную обстановку второй половины XII в., можно понять некоторые особенности образа Всеслава, созданного автором «Слова». Нет оснований сомневаться в том, что ортодоксальный христианин не мог создать такой образ. Однако и язычник также не мог вылепить его. Можно предположить, что автором этого сложного образа, а вместе с ним и всего «Слова о полку Игореве» мог быть один из «двоеверно живущих книжников», на которых так нападал составитель «Слова некоего христоробца». Такое предположение позволяет удовлетворительно объяснить не только многие специфические особенности образа Всеслава, но и всего «Слова» в целом.

Так, например, неслучайным оказывается весьма своеобразный словарный запас автора, значительное место в котором занимают слова и художественные образы, взятые из представлений дохристианской эпохи. Русских, которых киевский митрополит Иларион с гордостью называл «новыми людьми», просветленными светом христианского учения, автор «Слова» упорно называет внуками языческого бога Дажбога. Русскую землю, крещение которой состоялось около двухсот лет назад, автор определяет как землю языческого бога Трояна.³³ Ветры называются внуками Стрибога, вещей Боян — внуком Велеса и т. д.

Такое смешение христианских и языческих мотивов было чрезвычайно характерно для двоеверия XII в.

Образ князя-оборотня, совершенно немыслимый в христианской литературе, был вполне закономерен в произведении, проникнутом духом двоеверия. В прозрачных для современников намеках на киевские события

³² Н. Воронин. Восстание смердов в XI веке. — Исторический журнал. М., 1940, № 2. 54—61; А. В. Арциховский, С. В. Киселев. К истории восстания смердов 1071 г. — Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933, № 7—8, стр. 53—54; В. В. Мавродин. К вопросу о восстаниях смердов. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л., 1934, № 6, стр. 76—83; А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. — Проблемы истории докапиталистических обществ. М.—Л., 1934, № 11—12, стр. 35—60.

³³ А. Болдур Троян «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 34.

15 сентября 1068 г. слышен отзвук городских восстаний XII в., во главе которых действительно стояли волхвы.

Подведем краткие итоги.

Во-первых, изучение образа Всеслава в связи с многочисленными памятниками прикладного искусства XI—XIII вв. позволяет предположить, что система эстетических взглядов, о которой пишет Д. С. Лихачев, хотя и была господствующей, но не была единственной в искусстве древней Руси.

Во-вторых, образ Всеслава мог появиться в русском искусстве только в домонгольское время. Искусство XIV—XV и XVI вв., питавшееся другими идеями, не могло создать такой образ. Образ Всеслава является еще одним доказательством подлинности «Слова о полку Игореве».

И, в-третьих, анализ образа Всеслава помогает решить загадку, уже долгое время занимающую исследователей: каким образом книжный человек конца XII в., после двухсот лет христианства, мог так щедро использовать языческие образы?³⁴ Автор «Слова» был человек своего времени, в религиозных и художественных взглядах которого отразилась сложная идеологическая борьба конца XII в.

³⁴ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. I, изд. 2. СПб., 1902, стр. 178.